

имеют целью народное благо. Фемистокл, «не могши возвести чернь до своих мыслей, убеждал ее властью; возбуждал ее веру; отверзал уста богов; и Грецию исполнил прорицаниями, способствующими его предприятиям» (II, 246). Такая позиция определила понимание института эфоров в Спарте, излагаемое в книге. Надзор за исполнительной властью возлагается не на народное собрание, а на «эфоров или надзирателей». «Им особливо препоручено было предохранять, чтобы цари или сенаторы не употребляли во зло исполнительную власть» (II, 235—236). Это была фактически уже знакомая нам теория народных представителей, причем и в данной книге Мабли подчеркивал свои симпатии к «смешанному правлению», опасаясь неустойчивости «чистой демократии». Такова была, в общих чертах, социально-политическая концепция книги, с которой Радищев познакомил русского читателя. Однако самым существенным является то, как оценивал сам переводчик положение переводимого им сочинения Мабли. Радищев снабдил текст шестью примечаниями. Идейное значение имеют из них лишь два, но зато изложенная в них система воззрений весьма последовательна. Понимание этой системы невозможно без сопоставления их с другими высказываниями Радищева по аналогичным вопросам. Если сопоставить лейпцигские сочинения Ушакова, солидарность с которыми Радищев печатно подтвердил много лет спустя, выписки и заметки Радищева 80-х годов, оду «Вольность» и примечания к книге Мабли, то можно сделать вывод, что замечания переводчика к тексту Мабли неизбежно обусловлены всем ходом его мысли.

Радищеву чуждо противопоставление страстей и разума. На всем протяжении его творчества мы не встретим колебаний в том, что, «по системе Гельвециевой», «разум идет чувствованиям в след, или ничто иное есть, как они» (III, 346). Чувства связывают человека с окружающей средой. «Люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся» (I, 191), — писал Ушаков в Лейпциге (перевод Радищева), «Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей», — много лет спустя, в Сибири, развивал ту же мысль Радищев (II, 64). Согласно радищевскому представлению о человеке, о его исконной антропологической основе — это «существо, всесилю и всеведению сопричастное» (II, 51), наделенное внешним «благолепием», стремящееся и к личному, и к общему благу. Основанному на представлениях сенсуалистического материализма идеалу человеческой личности соответствовал и определенный общественный идеал. Человек рожден для счастья: «Дерзай желати своего блаженства и блажен будешь» (III, 29).